

Смена точек зрения
как прием в текстах устной традиции:
к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktoriya-cherwaneva@yandex.ru*

Аннотация. Проблема соотношения субъекта повествования и субъекта наблюдения в тексте традиционно рассматривалась применительно к материалу художественной литературы. Однако анализ фольклорных текстов показывает, что наблюдатель как текстовая категория имеет универсальный характер – эта фигура вполне актуальна и для текстов устной традиции, причем самых разнообразных жанров. В статье рассматривается выражение позиции наблюдателя в мифологических нарративах (в современной и архаической повествовательной традициях), в заговорах и в лирической песне – на примере употребления в этих текстах грамматических форм 1-го лица. В фокусе внимания такая особенность наблюдателя в тексте, как подвижность его позиции, то есть распределение/переключение этой функции между несколькими субъектами. Языковым средством, специализированным для выражения позиции наблюдателя в фольклорных текстах, выступают грамматические первоначальные формы, что связано с влиянием особенностей устной формы речи. Субъект наблюдения может меняться в ходе разворачивания текста, при этом выражение позиции наблюдателя формами 1-го лица осуществляется на протяжении всего текста, и это становится возможным благодаря переключению грамматических режимов.

Ключевые слова: нарратология, повествователь, наблюдатель, мифологический текст, субъектная организация текста

Для цитирования: Черванёва В.А. Смена точек зрения как прием в текстах устной традиции: к вопросу о фигуре наблюдателя в фольклоре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 201–215. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-201-215

Changing points of view as a device in the texts of oral tradition. On the issue of the observer in folklore

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The problem of the relationship between the narrator and the observer in the text has traditionally been considered in relation to the material of fiction. Analysis of folklore texts shows that the observer as a text category has a universal character. This position is also quite relevant for the texts of the oral tradition, and the most diverse genres. The article examines the position of the observer in mythological narratives (in the modern and archaic narrative tradition), in spells and in lyric song on the example of the use of grammatical forms of the 1st person in these texts. The focus of attention is such a feature of the observer in the text as the movement of his position, that is, the switching of this function between the subjects. The linguistic means used to express the observer's position in folklore texts is the grammatical forms of the 1st person. The subject of observation can change throughout the text, while the expression of the observer's position by the forms of the 1st person is carried out throughout the entire text, and this becomes possible by switching grammatical modes.

Keywords: narratology, narrator, observer, mythological text, subjective organization of the text

For citation: Chervaneva, V.A. (2022), "Changing points of view as a device in the texts of oral tradition. On the issue of the observer in folklore", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 201–215, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-201-215

Открытие позиции наблюдателя в тексте является одним из наиболее важных в нарратологии – собственно, именно с этого и начинается изучение субъектной организации текста как лингвистической проблемы (см. блестящий анализ «Пиковой дамы» В.В. Виноградова в 1936 г. [Виноградов 1936] и не менее блестящий анализ этой работы в статье Е.В. Падучевой [Падучева 1995]).

Вообще, проявление автора в созданном им тексте, видимо, обязательно и неизбежно. А.А. Зализняк назвала эту особенность парадоксом нарратива, и состоит он в том, что автор в тексте «одновременно недопустим и неистребим» [Зализняк 2016, с. 8], поскольку «в естественном языке текст неотделим от своего создате-

ля, говорящего» [Падучева 1996, с. 217]. Как бы ни старался автор текста спрятаться от читателя, чтобы имитировать объективность, независимость изображаемого от личных оценок, чтобы изобразить «мир как он есть», все равно он себя обнаружит.

Субъект повествования проявляет себя в тексте с помощью целого спектра языковых средств – местоимений, вводных слов, указательных частиц, лексики со значением речи, мысли, чувства, восприятия, оценочной лексики. Такого рода языковые единицы получили название эгоцентриков, или эгоцентрических языковых единиц [Падучева 2018], так как их семантика подразумевает говорящего в качестве участника описываемой ситуации.

В значении некоторых слов уже изначально содержатся семы, предполагающие наличие наблюдателя – субъекта, присутствующего в ситуации текста. Приведу известный пример Ю.Д. Апресяна: *На дороге показался отряд всадников*. Эта фраза предполагает, что в тексте есть тот, кто видит всадников, и потому невозможно предложение: **На дороге показался я* [Апресян 1995, с. 643]. Употребление подобных слов в повествовании выдает присутствие наблюдающего субъекта (собственно, что и заметил В.В. Виноградов в «Пиковой даме», построенной как экзегетическое повествование).

Традиционно проблема соотношения субъекта повествования и субъекта наблюдения в тексте рассматривалась применительно к материалу художественной литературы, таким образом, изучение текста с позиций нарратологии входило в область литературоведческих штудий [Успенский 1970; Падучева 1996; Шмид 2003; Женетт 1998]. Исследование же проекции говорящего в фольклорном тексте имеет относительно недавнюю историю. Попытка применить методологические установки нарратологии к фольклору была предпринята Е.Б. Артеменко на материале русского эпоса [Артеменко 1994; Артеменко 1998], однако, по словам самой исследовательницы, эти наблюдения над репрезентацией фигуры повествователя являются лишь подступами к проблеме [Артеменко 1998, с. 189], не получившими развития в последующих работах.

Что касается устной прозы, то в этой области проблема субъекта повествования долгое время ставилась в связь с источником сообщения: именно на этом параметре основано общепринятое деление устных рассказов на мемораты (рассказы о личном опыте) и фабулаты (пересказы услышанных историй чужого опыта). Это противопоставление, намеченное еще Карлом фон Зюдовым¹, было

¹Sydow C.W. Kategorien der Prosa-Volksdichtung // Carl Wilhelm von Sydow. Selected Papers on Folklore. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1948. P. 60–88.

уточнено и прочно вошло в научный оборот отечественной фольклористики благодаря работам Э.В. Померанцевой [Померанцева 1968; Померанцева 1985].

Однако такое разграничение двух типов текстов явно недостаточно и не отражает сложной картины субъектной организации устных нарративов. Ставший особенно актуальным в последние годы коммуникативно ориентированный подход к изучению фольклора, предполагающий анализ коммуникативной ситуации бытования текста и учитывающий комплекс прагматических факторов [Адоньева 2004; Веселова 2003; Левкиевская 2006; Левкиевская 2008; Мигунова 2002], дает инструментарий для выявления сложной многоуровневой (точнее сказать, «многоголосой») структуры устного нарратива: «коммуникативных уровней» текста, определяемых на основе прагматического анализа номинаций действующих лиц текста [Веселова, Степанов 2019], типов организации нарратива в зависимости от количества и характера рассказчиков, выявляемых на основе анализа дейктических маркеров их присутствия в тексте [Черванёва 2019a] и их функций в тексте [Черванёва 2017].

Опыт изучения устной прозы в указанном отношении показывает, что в применении к фольклорным текстам можно говорить не только о субъекте повествования, но и о наблюдателе как текстовой категории – эта фигура вполне актуальна и для текстов устной традиции, причем самых разнообразных жанров. В настоящей статье я хотела бы остановиться на одном аспекте этой проблемы: такой особенности проявления наблюдателя в тексте, как подвижности его позиции, то есть переключении этой функции между несколькими субъектами. Предметом рассмотрения являются формы первого лица, в которых находит выражение говорящий и наблюдающий субъект.

В устной прозе с установкой на достоверность, как кажется, фигура наблюдателя просто необходима, требуется структурой и прагматикой повествования. Так, Е.С. Новик, изучив способы засвидетельствования и типы повествователя в фольклоре сибирских народов, пришла к выводу, что архаический повествовательный фольклор нуждается в фигуре наблюдателя, и это обуславливает использование приема изложения от 1-го лица [Новик 2012]. При этом в роли субъекта повествования выступает либо персонаж, описывающий события, которые с ним происходят, либо специфический субъект – персонифицированная речь («слово-песня», «сказ»), которая сама себя повествует. В ходе повествования происходит переключение, мена субъектов в случае необходимости: так, персонаж «сказ» (например, Мынеко у ненцев) появляется в том

случае, когда надо рассказать о том, что происходит в том месте, куда герой еще не доехал.

Этот прием, наряду со ссылкой на источник информации, является, по мнению Е.С. Новик, способом засвидетельствовать достоверность излагаемых событий. Грамматические показатели 1-го лица выступают маркерами присутствия наблюдателя и гарантом достоверности сообщаемого.

В современной повествовательной традиции можно также заметить эту особенность – подвижность позиции наблюдателя, репрезентируемой грамматическими формами 1-го лица, т. е. переключение этой функции между несколькими субъектами.

При изучении средств выражения позиции рассказчика в мифологическом нарративе², прежде всего форм 1-го лица – глаголов и местоимений, обнаружилось, что довольно часто (как минимум в $\frac{2}{3}$ случаев – в 41 примере из 61) в устных рассказах о чужом опыте, т. е. в пересказах историй, используется специфический прием – переход на изложение от 1-го лица очевидца событий.

Нарратор как бы входит в роль участника событий и передает ее целиком от 1-го лица своего персонажа, в результате чего получается текст в тексте – своеобразное «двойное» изложение от 1-го лица. При этом цитируемый персонаж-говорящий – участник описываемых событий – оказывается в центре пространственно-временных координат текста. Приведу примеры³.

1.

Съехали, показал <дед КВА>, где и место это. *«Вот, – говорит, – **мы** сетки поставили», – а лодка деревянная, <нрзб.> вёсла вот так скрестят, а мачта (с парусом ездили, ветер – так с парусом) – скрестят, и потом этот парус вот так тягают, и там как шалаш. «И вот **мы**, – говорит, – **легли**, <...> **што-то меня...** а лодка так закачалась, – **покачало лодку**, – **я**, – говорит, – **вышел – нет, воды нет в лодке. Вот так пощупал. Вышел, а**, – говорит, – **в носу**, – **шалаш все-таки делается** (лодки длинные **у нас**, семиметровые) **в корме**, – **в носу сидит, волосы***

²Основным материалом моего исследования послужили записи мифологических рассказов, извлеченных из корпуса интервью, из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (весь материал собран в Каргопольском районе Архангельской области в период 1993–2011 гг.). Для анализа отобраны тексты с обязательным наличием повествовательного компонента – всего 694 нарративных фрагмента объемом 124 508 слов.

³Курсивом выделены фрагменты от 1-го лица персонажа, прямым шрифтом набран текст от 1-го лица рассказчика, формы 1-го лица выделены полужирным шрифтом.

распустила такая женщина – не женщина, зверь – не зверь, а похожая на женщину, потому что вся волосатая. **Я** не знаю, сижу вот так, чево делать-то. Взял, да перекрестился, – он верующий, – раз перекрестился, другой перекрестился. **Я** не смею, и она на носу <...> села и сидит. Третий раз токо перекрестился, <...> свернулась в лодку <с лодки в воду> и ничево не сказала. В нашем озере кто-то есь, – говорит, – зверь – не зверь». <...> **Мой**-то дедушка родной **мне** рассказывал. «**И** больше с той поры, – говорит, – ночевать стал бояться <на озере>» (инф. КВА, Нокола-Белая, 1997).

2.

У нас бабка вон сей год ходила по ягоды, сватья-то **моя** дак. Ходила в болото, дак тожо, гът, **беру**, а вот... **И**, гът, **цую**, бутто кто ходит. **Поглижу** – мужик ходит. Ну вот, **я** тожо удаляюси, а то он сначала-то, гът, кричал, в болоте-то кричит, а я, гът, не откликалась, **я** потом крикнула. Здвигаецы ближе, гът. <Нрзб.> пришла <?>, так не **знаю**. Потом, говорит: ой, не **знаю**, как, цёво... <Нрзб.>, движецы мужик, а не показыват лица-та. **Я**, гът, некогда больше собирать... Собирала и в избушку и забралась. Дак ищѐ цуюствовала: «Эй!» – говорит, там орѐт-то вот. Видно, уш ково звал ищѐ. А шла, Барыгина <?> шла, да гът, ищѐ слышала, што **у нас**... она гово... там шумят. «А **я** думала, – <говорит>, – это Валя шумит» (инф. КМА, Лукино, 2001).

Такая нарративная форма, основанная на прямой речи персонажа – источника информации, делает текст развернутой цитатой и своеобразным «свидетельским показанием» об услышанном – говорящий старается максимально дословно передать рассказ, копируя даже грамматические формы чужой речи.

Встречаются тексты, где переключение на форму изложения от 1-го лица персонажа происходит только в рамках ограниченного фрагмента, в остальной же части текста этот действующий субъект представлен формами 3-го лица. Ср.:

Слышу что он кричит. А тёмно, осенью, **я** двери открыла, зашла, его нету. Кровать пустая, его нет, **слышу**, во дворе он упал, **у нас** тут высоко, а тут лестница, а он шѐл мимо, на лестницу не пошѐл, а прямо и упал во двор туда вниз. И поломал рѐбра. Говорит, **лежу**, не спал ещѐ, заходит вот бабушка то умерла, свекровь-то, а он её знал хорошо, он бывал **у нас** часто, дак говорит, *вот она заходит вот в каком она ходила вот в сарафане, в кофте той же всё*: «**Валентин, пойдѐм со мной**». **Я**, говорит, *встал и пошѐл*. Пошѐл, говорит, **я** никаких дверей не открывал и ничего, прямо пошѐл, она пошла, и он за ней. И он упал, переломал рѐбра. Вот такой случай ещѐ был (инф. ФАА, Печниково, 1997).

В этом примере заметно, что смена планов текста – переход на 1-е лицо персонажа и затем на 1-е лицо говорящего – происходит достаточно свободно: несколько раз в рамках всего высказывания. Говорящий-наблюдатель произносит свою часть рассказа от 1-го лица, а часть рассказа собственно о контакте с мифологическим персонажем передается от лица контактирующего персонажа в формах 1-го лица, относящихся к реципиенту. Таким образом, формы 1-го лица репрезентируют основного субъекта действия.

Переход говорящим на изложение от лица участника события, «присваивание себе» его речи от 1-го лица – знак солидарности рассказчика с наблюдателем и участником события. Кроме того, формы 1-го лица выступают как маркер достоверности, служа показателем присутствия очевидца в тексте, – неслучайно форма прямой речи очевидца события появляется в той части рассказа, где речь идет о деталях и подробностях контакта с мифологическим персонажем (см. подробный разбор этого явления в [Черванёва 2019б, с. 45–49]).

Очевидно, текстовая фигура наблюдателя, репрезентируемого формами 1-го лица, находится в связи с модальностью достоверности текста. Косвенно подтверждает эту мысль анализ текстов заговоров.

Этот жанр находится в неоднозначном отношении к категории достоверности. С одной стороны, в тексте заговора изображается условный мир, но это мир, в реальности которого исполнитель не сомневается. И в этом жанре также наблюдается сложная картина с референцией местоимений 1-го лица. Приведу пример из работы С.М. Толстой [Толстая 2017], где она анализирует фигуру отправителя (т. е. субъекта речи) в структуре коммуникативной ситуации заговора и приходит к выводу, что формы 1-го лица в зачинах и концовках:

Стану **я** благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, с двора воротами...

Будь **мое** слово в слово, слово крепкое. Аминь.

...не являются прямой проекцией говорящего – исполнителя заговора. Она называет их словами «двойного авторства» [Толстая 2017, с. 178]. С одной стороны, эти слова, несомненно, соотносятся с говорящим, он часто прямо именуется в тексте («имярек»). Но, с другой стороны, «эти слова принадлежат некоему условному персонажу, о чем свидетельствует продолжение текста: *пойду я, раб Божий, из избы дверьми, с двора воротами, встречу мне архистратиг Михаил архангел со святыми своими, с ангелами и апостолами.*

В последнем фрагменте указание на реальное лицо (исполнителя заговора) свободно сочетается с предикатами, относящимися к условному персонажу, которому приписывается участие в совершенно нереальных, мифологических событиях (диалог с Михаилом архангелом)» [Толстая 2017, с. 178].

Таким образом, «я» – это одновременно и реальный говорящий, и его текстовая, а вернее, жанровая проекция, проекция той роли, которую усваивает ему традиция в коммуникативной ситуации исполнения заговора. Такая организация дает возможность эксплицитного выражения позиции наблюдателя формами 1-го лица на протяжении всего текста.

Проблема выражения позиции наблюдателя и, в частности, возможность соотнесения этой позиции с разными субъектами в пределах одного контекста имеет исследовательскую перспективу и может быть экстраполирована на материал фольклорной лирики. Так, Е.Б. Артеменко обнаружила и описала такую особенность народной песни, как параллельная местоименно-субстантивная репрезентация персонажа (*молодец, девица*). На большом количестве примеров Е.Б. Артеменко показала, что для русской лирической песни характерно совмещение в одном узком контексте грамматических показателей 1-го и 3-го лица, причем эти формы выступают как кореферентные, т. е. соотносятся с одним и тем же персонажем – лирическим героем [Артеменко 1988а]. При этом происходит проникновение форм 1-го лица в третьеличный контекст, и это создает эффект присутствия исполнителя [Артеменко 1988б]. Например:

Я шел, **молодец**, дорогою,
Запала **молодца** долгая ночь.
И где ж **молодцу** ночевать будет?
(Киреевский, № 1639)⁴.

Болит **моя** головушка,
Не знаю, как быть.
Вечёр **добрый молодец**
У девушки был;
Сказала мне девушка
Весть нерадостну...
(Киреевский, № 1912).

⁴Примеры песенных текстов приводятся из цитируемой статьи Е.Б. Артеменко [Артеменко 1988а].

В этих примерах прослеживается связь с обособленными предложениями, относящимися к личному местоимению (*я, молодец; мне, молодцу*). Но в песнях есть примеры, где наряду с местоимениями 1-го лица употребляются не только существительные, но и местоимение 3-го лица – «он», появление которого никак не связано с приложениями, а однозначно свидетельствует о переключении грамматического режима. Ср.:

Не былинушка во чистом поле зашаталася –
Зашатался **я**, загулялся, добрый молодец,
На своем ли **я** на добром коне богатырским,
Я на войлочке на бумажном,
На седеличке на черкаском.
Ах, подъехал добрый молодец ко синю морю,
Закричал **он** громким голосом:
«Еще есть ли у нас на синем море перевозчики?
Перевезите меня, доброго молодца, на свою сторону,
На свою сторонушку, на святую Русь,
Схороните меня, доброго молодца, между трех дорог,
Промеж Питерской, Московской, третьей Киевской!»
(К. – Яз., № 159).

Таким образом, в песне происходит параллельная репрезентация персонажа формами 1-го и 3-го лица, и это, по мнению Е.Б. Артеменко, объясняется особенностями народной лирики. Песенный лирический герой («*молодец*») лишен конкретной референции: это обобщенный выразитель чувств, переживаний и чаяний народа. То же самое можно сказать о «*Я*» в песне – это обобщенный лирический образ, функционально идентичный лирическому герою, чем и объясняется их отождествление и совмещение соотносимых с ними личных форм. При этом проникновение форм 1-го лица в третьеличный контекст создает эффект присутствия исполнителя [Артеменко 1998б]. Впрочем, не исключено (правда, Е.Б. Артеменко полемизирует с этим тезисом), что это феномен, обусловленный устным бытованием текста – когда исполнитель утрачивает ощущение плана изложения (от 1-го или от 3-го лица) и происходит чередование этих режимов.

Различие дейктической организации песенных текстов и текстов устной прозы, как представляется, состоит в причинной обусловленности совмещения форм 1-го и 3-го лица по отношению к одному референту: если в лирической песне прием имеет эстетическую направленность, то в устных нарративах – коммуникативную. Кроме того, в лирической песне скорее первичны формы 1-го лица,

поскольку изначально для исполнителя свойственно самоотождествление с лирическим героем, а потом появляется внешний взгляд (взгляд наблюдателя) на лирического героя и, как следствие, переход на 3-е лицо персонажа. В мифологических рассказах скорее процесс обратный: говорящему присущ сначала внешний взгляд на персонажа (и соответственно формы 1-го лица в тексте соотносятся с самим говорящим), а затем, по ходу изложения, происходит вхождение в роль участника события и самоотождествление говорящего с позицией персонажа – появляется изложение от 1-го лица персонажа.

Подведем итоги.

Даже беглый взгляд на особенности референции форм 1-го лица в фольклорных текстах разных жанров свидетельствует о том, что фигура наблюдателя, являющаяся предметом анализа в нарратологических исследованиях литературных текстов, присутствует и в текстах устной словесности.

Особенно актуальна позиция наблюдателя для жанров с модальностью достоверности (ср. мифологические рассказы, заговоры). Однако анализ грамматического уровня лирических песен свидетельствует о «проникновении» исполнителя в текст и, следовательно, о возможности говорить о позиции наблюдателя и в жанрах с установкой на художественную условность.

Языковым средством, специализированным для выражения позиции наблюдателя в фольклорных текстах, выступают грамматические первоначальные формы, и это неслучайно. Именно говорящий является субъектом речи, восприятия, наблюдения и дейксиса в устной речи, в условиях устного диалогического общения [Падучева 1996, с. 281], а значит, формы 1-го лица для наблюдателя первичны, изначальны – так устроена устная речь, в этих формах находит свое выражение позиция наблюдателя и в фольклорном тексте. Субъект наблюдения может меняться в ходе разворачивания текста, при этом выражение позиции наблюдателя формами 1-го лица осуществляется на протяжении всего текста, и это становится возможным благодаря рассмотренной особенности – переключению грамматических режимов.

Очевидно, что дальнейшая разработка нарратологической проблематики в применении к фольклорному тексту должна строиться с учетом специфики устной речи и особенностей коммуникативной ситуации экспликации текста.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Мифо-ритуальные и дискурсивные практики в контексте живых традиций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The research has been fulfilled within the project of Russian State University for the Humanities “Mythological-ritual and discursive practices in the context of living traditions” (competition “Project research teams of the RSUH”).

Литература

- Адоньева 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: СПбГУ; Амфора, 2004. 309 с.
- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 1995. 767 с.
- Артеменко 1988а – *Артеменко Е.Б.* Взаимодействие планов изложения от 1-го и 3-го лица в русской народной лирике и его художественные функции // Язык русского фольклора. Петрозаводск: ПГУ, 1988. С. 25–33.
- Артеменко 1988б – *Артеменко Е.Б.* Диалектика форм изложения от 1-го и 3-го лица в русской народной лирической песне // Структура и семантика текста. Воронеж: ВГУ, 1988. С. 130–138.
- Артеменко 1994 – *Артеменко Е.Б.* «Образ автора» как структурообразующий фактор фольклорного текста // Исследования по лингвофольклористике. Вып. 3. Курск: КГПИ, 1994. С. 3–5.
- Артеменко 1998 – *Артеменко Е.Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре: На материале былинного эпоса // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1998. № 11. С. 186–195.
- Веселова 2003 – *Веселова И.С.* Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор / Под ред. А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 234–244.
- Веселова, Степанов 2019 – *Веселова И.С., Степанов А.В.* Опыт по ролям: перципиент, конфидент и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.
- Виноградов 1936 – *Виноградов В.В.* Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 74–147.

- Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. / Пер. с фр. Е. Васильевой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 472 с.; Т. 2. 469 с.
- Зализняк 2016 – *Зализняк А.А.* Заметки к лингвистической теории нарратива // Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 8–24.
- Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Левкиевская 2008 – *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост. А.С. Архипова, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Мигунова 2002 – *Мигунова Е.А.* К вопросу о функции мифологического рассказа // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: В честь Наталии Михайловны Герасимовой / Сост. А.Г. Бобров, И.Ф. Данилова, Е.Л. Мадлевская, Е.В. Хворостянова. СПб.: Европейский дом, 2002. С. 243–252.
- Новик 2012 – *Новик Е.С.* Способы засвидетельствования и типы повествователя в архаическом фольклоре народов Сибири // Russian Literature. 2012. Т. 71. № 3–4. С. 401–419.
- Падучева 1995 – *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.
- Падучева 2018 – *Падучева Е.В.* Эгоцентрические единицы языка. М.: Языки славянской культуры, 2018. 439 с.
- Померанцева 1968 – *Померанцева Э.В.* Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968): Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 274–292.
- Померанцева 1985 – *Померанцева Э.В.* Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
- Толстая 2017 – *Толстая С.М.* Коммуникативная структура фольклорного текста (колядка, заговор, пословица) // Текст в языке, речи, культуре: Сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. Минск: РИВШ, 2017. С. 174–183.
- Успенский 1970 – *Успенский Б.А.* Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 256 с.
- Черванёва 2017 – *Черванёва В.А.* Границы достоверности мифологического рассказа: *делал – видел – слышал – был* // Русская речь. 2017. № 5. С. 112–117.
- Черванёва 2019а – *Черванёва В.А.* Типы рассказчика в мифологическом нарративе // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст.: В 5 т. Т. 4: Российская фольклористика в XXI в.: перспективы развития / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. М.:

Государственный российский дом народного творчества имени В.Д. Поленова, 2019. С. 12–22.

Черванёва 2019б – Черванёва В.А. Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица? // Шаги/Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 36–52.
Шмид 2003 – Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

References

- Adon'eva, S.B. (2004), *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore], Saint Petersburg State University; Amfora, St. Petersburg, Russia.
- Apresyan, Yu.D. (1995), *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works, vol. 2. Integral description of the language and systemic lexicography], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Artemenko, E.B. (1988), "Interaction of plans of presentation from the 1st and 3rd person in Russian folk lyrics and its artistic functions", in Tarlanov, Z.K. (ed.), *Yazyk russkogo fol'klora* [The language of Russian folklore], Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, USSR, pp. 25–33.
- Artemenko, E.B. (1988), "Dialectics of presentation forms from the 1st and the 3rd person in the Russian folk lyric song", in Chernukhina, I.Ya. (ed.), *Struktura i semantika teksta* [Structure and semantics of the text], Voronezh State University, Voronezh, USSR, pp. 130–138.
- Artemenko, E.B. (1994), " 'The image of the author' as a structure factor of the folklore text", in Khrolenko, A.T. (ed.), *Issledovaniya po lingvofol'kloristike. Vyp. 3* [Research on folklore language, vol. 3], Kursk State Pedagogical Institute, Kursk, Russia.
- Artemenko, E.B. (1998), "On the problem of the narrator and his verbal representation in folklore. On a material of the epos", *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniia i iazykoznaniiia*, vol. 11, pp. 186–195.
- Chervaneva, V.A. (2017), "Veracity limits of oral mythological narratives: done – seen – heard – happened", *Russkaya rech'*, vol. 5, pp. 112–117.
- Chervaneva, V.A. (2019), "Types of storyteller in mythological narrative", in Dobrovolskaya, V.E. and Ippolitova, A.B. (comp.), *3 Vserossiiskii kongress fol'kloristov (Moskva, 3–7 fevralya 2014 g.): Sb. nauch. st. V 5 t. T. 4: Rossiiskaya fol'kloristika v XXI veke. Perspektivy razvitiya* [3rd All-Russian Congress of Folklorists (Moscow, February 3–7, 2014): collection of scientific articles, in 5 volumes, vol. 4: Russian folklore in the 21st century. Development prospects], State Russian House of Folk Art named after V.D. Polenov, Moscow, Russia, pp. 12–22.
- Chervaneva, V.A. (2019), "Deixis of oral mythological narratives: what are first person forms talking about?", *Shagi/Steps*, vol. 5, no. 2, pp. 36–52.
- Levkievskaiia, E.E. (2006), "Pragmatics of the mythological text", in Tolstaia, S.M. (ed.), *Slavianskii i balkanskii fol'klor, Vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore, vol. 10. Semantics and pragmatics of the text], Indrik, Moscow, Russia, pp. 150–214.

- Levkievskaya, E.E. (2008), "Bylichka as a speech genre", in Arkhipova, A.S., Gister, M.A. and Koz'min, A.V. (eds.), *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatel'nosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today. Digest of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 341–363.
- Migunova, E.A. (2002), "On the question of the function of a mythological story", in Bobrov, A.G., Danilova, I.F., Madlevskaia, E.L. and Khvorost'ianova, E.V. (eds.), *Traditsionnye modeli v fol'klore, literature, iskusstve: v chest' Natalii Mikhailovny Gerasimovoi* [Traditional models in folklore, literature, art. In honor of Natalia Mikhailovna Gerasimova], Evropeiskii Dom, St. Petersburg, Russia, pp. 243–252.
- Novik, E.S. (2012), "Modes of evidentiality and types of narrators in the archaic folklore of peoples of Siberia", *Russian Literature*, vol. 71, no. 3–4, pp. 401–419.
- Paducheva, E.V. (1995), "V.V. Vinogradov and science of language of literary prose", *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, vol. 54, no. 3, pp. 39–48.
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of time and aspect in the Russian language. Semantics of narrative], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Paducheva, E.V. (2018), *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric units of language], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Pomerantseva, E.V. (1968), "Genre features of Russian belief legends", in Khrenov, I.A. (ed.), *Istoriya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskikh narodov. 6 Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, 1968). Doklady sovetskoi delegatsii* [History, culture, folklore and ethnography of Slavic peoples. 6th International Congress of Slavists (Prague, 1968). Reports of the Soviet delegation], Nauka, Moscow, USSR, pp. 274–292.
- Pomerantseva, E.V. (1985), *Russkaya ustnaya proza* [Russian oral prose], Prosveshchenie, Moscow, USSR.
- Shmid, V. (2003), *Narratologiya* [Narratology], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Tolstaya, S.M. (2017), "Communicative structure of folklore text (kolyadka, spell, proverb)", in Tsykhun, G.A. and Zadornaya, E.G. (rev.), *Tekst v yazyke, rechi, kul'ture* [Text in language, speech, culture], RIVSh, Minsk, Belarus, pp. 174–183.
- Uspenskii, B.A. (1970), *Poetika kompozitsii. Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoi formy* [Poetics of composition. The structure of a literary text and the typology of composition form], Iskustvo, Moscow, USSR.
- Veselova, I.S. (2003), "Pragmatics of oral story", in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu. (eds.), *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 234–244.
- Veselova, I.S. and Stepanov, A.V. (2019), "Experience by roles. Percipient, confidant and others (communicative foundations of the composition of mythological narratives

- of the Russian North”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, vol. 4, pp. 10–24.
- Vinogradov, V.V. (1936), “Style of ‘The Queen of Spades’”, in Vinogradov, V.V., *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii AN SSSR. Institut literatury* [Pushkin. Proceedings of the Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences. Institute of Literature], Academy of Sciences of the USSR, Moscow; Leningrad, USSR, pp. 74–147.
- Zaliznyak, A.A. (2016), “Notes on the linguistic theory of narrative”, in Arutyunova, N.D. (ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epokh* [Logical analysis of language. Information structure of texts of different genres and eras], Gnozis, Moscow, Russia, pp. 8–24.
- Zhennet, Zh. (1998), *Figury* [Figures], vol. 1–2, Publishing House Named after Sabashnikovs, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; viktoriya-chervaneva@yandex.ru